

К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стеганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

- Nițu A. 1977. Continuitatea ceramicii pictate între culturile Cucuteni-Tripolie și Gorodsk-Usatovo (Horodiștea-Foltești). In: Cercetări Istorice. P. 145–212.
- Nițu A. 1978. Decorul zoomorf pictat pe ceramica Cucuteni-Tripolie. In: AM. 8. P. 15–119.
- Renfrew C. 1973. Before Civilisation: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London.
- Renfrew C. 2009. Archaeology introduction. In: Radiocarbon. Vol. 51, nr. 1. P. 221–222.
- Sîrbu Gh. 2019. Comunitățile Cucuteni-Tripolie târzii din spațiul pruto-nistrean. Grupul cultural Gordinești. Rezumatul tezei de doctor în științe istorice. Chișinău. In print.

ON THE CHRONOLOGY OF THE LATE ENEOLITHIC OF THE PRUT-DNIESTER INTERFLUVE BASING ON A SERIES OF NEW ¹⁴C DATES

Ghenadie Sîrbu

Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Chișinău, Moldova

Keywords: *Prut-Dniester interfluve, Late Eneolithic, Gordinești type, radiocarbon dating.*

The periodization of the Late Eneolithic of the Carpathian-Danube region still needs additional radiocarbon dating of samples taken from the contexts of the sites under investigation. Previously developed schemes based on the ¹⁴C dates obtained for the Cucuteni-Tripolye culture (at all its three stages) encounter many problems, especially when correlating these data with other synchronous cultures.

At the final stage of the Cucuteni-Tripolye culture, for numerous reasons of a socio-economic nature, as well as the influence of the climatic factors, its division into several local variants is observed, similar to each other in a number of elements of material culture and, to a lesser extent, in the burial rite. Our interest is associated with one of the groups known as Gordinești type.

In recent years, a series of 14 samples for radiocarbon analysis was selected allowing us to develop a new chronological scheme for the Late Eneolithic of the Prut-Dniester interfluve. For the analysis, animal bones and carbonized cereals from five settlements, as well as human teeth from two burial complexes were used.

After analyzing 14 samples, some of which clearly run contrary to the known dates for the Usatove (Usatovo) group, and their corrections (1σ and 2σ) using the OxCal v4.3.2 (IntCal 13 Northern Hemisphere curve) and CalPal v1.5 software (both on-line), the obtained Bayesian modeling shows that the dates are divided into two stable chronological phases, and a third one is illustrated conventionally.

Thus, the gained results allow us, on the one hand, to delineate the exact chronological framework of Gordinești type monuments in the limit of 3360–2900 cal BC (Sîrbu 2019), and on the other, to make some adjustments regarding the chronological position of this type of sites in the overall periodization of the East Carpathian Eneolithic, while emphasizing synchronicity with other cultural groups such as Usatove (late phase), Sofievka, Funnel Beaker culture (eastern group), culture of Globular Amphorae (Podolsk and Siret aspects) etc., of the end of the 4th — beginning of the 3rd millennium BC.

СЮЖЕТ «ОХОТЫ» НА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТЕЛЕ ИЗ КЕРНОСОВКИ: ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И ПРЕДМЕТНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

А. М. Смирнов

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-125-128

Ключевые слова: *Телль Арпачия, чаша, фриз, Причерноморье, стела, энеолит, сцена «охоты», гробница.*

В 1976 г. при раскопках на телле Арпачия (Северный Ирак) в инвентаре одного из погребений эпохи раннего халафа была обнаружена чаша с многофигурной росписью. На внутренней ее поверхности нанесен фриз, в центре которого изображена схватка

вооруженного луком антропоморфа с крупным кошачьим хищником (рис. 1, 1), по бокам помещены фигуры: слева — коровы, справа — квадрат с бахромой между двух обнаженных женских персонажей (Hijara 1978: Fig. 1).

Возникшая затем дискуссия сосредоточилась вокруг назначения квадрата, который интерпретировался по-разному: первоначально как ковер (Ibid: 125), затем как дверь, вход в святилище, позднее — как ковер-циновка, погребальный покров (Ippolito-Strika 1990: 156, 172; 1996: 29) и наконец — при условии сдвига начала развертки фриза — как загон, к которому направлялась корова (Breniquet 1992: 74). Одной из причин сложности в интерпретации композиции была признана ее уникальность, отсутствие аналогий.

Гипотетически такую возможную аналогию представляет собой так называемая сцена «охоты» в гравировках на энеолитической антропоморфной стеле, найденной у сел. Керносовка в Нижнем Приднепровье (рис. 1, 2 — Крылова 1976: рис. 1). Это сюжетная группа, помещенная в центре изваяния и состоящая из изображений бегущего антропоморфа с палицей (?) в руке и двух собак перед ним — «сцена охоты с собаками, хотя объект охоты отсутствует» (Там же: 40). Полагаем, что полная композиция включает в себя также и два вертикально стоящих перед ними топора и замыкается фигурой черепахи позади (рис. 1, 3, 3а). То есть топоры здесь не принадлежат к экипировке персонажа, изображаемого стелой.

Сопоставление обеих сцен как в общих структурах, так и в вариациях их элементов открывает новые возможности в интерпретациях этих сюжетов.

Очевидно, что на стеле, как и на чаше, также изображена схватка, где подобно хищнику на фризе уже иные животные — собаки — нападают (!) на «охотника».

Оба антропоморфа в этих сценах иконографически идентичны: это не персонажи из реальной жизни (акцентированы хвосты), оба показаны в стремительном движении, в вытянутых вперед руках — оружие.

Два топора, стоящие перед «охотником», могли обозначать проход, в который он стремится войти (но собаки преграждают ему путь?). Подобная интерпретация возможна, например, по аналогии с некоторыми росписями на чашах из некрополя Сузы I (около 4000 г. до н. э.) (Benoit 2010: Fig.; Dussaud 1935: Fig. 17), на которых изображены парные копьевидные фигуры, видимо, образующие вход, поскольку там же, в пространстве между ними, показаны фигуры антропоморфов (рис. 1, 4). И тогда, в свою очередь, квадрат на фризе также обозначает вход, но который антропоморф здесь уже миновал, пройдя сквозь него. Возможно, такой вход имел особый статус, на который указывают парные женские фигуры на фризе и топоры — на стеле.

Общим для обеих композиций является и изображение на периферии, позади нападающих животных, двух других — убегающих (?) и не хищных: коровы и черепахи. Предположительно, именно они являлись объектами намерений «охотников», причиной схваток.

Подобный сюжет мог быть учтен в погребальном сценарии одной из гробниц новосоводненской культуры (Клады 31/5). Там, под входным отверстием (!) погребальной камеры лежали две статуэтки собак (Резепкин 2012: 37, рис. 74, 9, 10). В многочисленном инвентаре, помимо бронзовых топоров бытового назначения, были обнаружены и два «парадных», богато орнаментированных топора (Там же: 37, рис. 70, 5, 6).

Видимо, следует признать, что в IV тыс. до н. э. Северное Причерноморье входило наряду с Северо-Западным Кавказом в периферию распространения древневосточной образности в искусстве. Так, урукская по происхождению принадлежность некоторых других сюжетов гравировок на стелах с этой территории нами обсуждалась ранее (Смирнов 2000; и др.).

Рис. 1. Сюжет «охоты» на стеле из Керносовки и аналогии: 1 — фриз на чаше из Телль Арпачия (по: Hija 1978: Fig. 1); 2 — стела из Керносовки (по: Крылова 1976: рис. 1); 3, 3а — сцена «охоты» на стеле из Керносовки (фото и прорисовка) (по: Крылова 1976: рис. 2); 4 — изображения парных копьевидных фигур на чашах из некрополя Сузы I (по: Benoit 2010: Fig. 1; Dussaud 1935: Fig. 17)

Литература

Крылова Л. П. 1976. Керносовский идол (стела) // Березанская С. С., Отрощенко В. В., Телегин Д. Я. (ред.). Энеолит и бронзовый век Украины. Киев. С. 36–46.

Резепкин А. Д. 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.

Смирнов А. М. 2000. Сюжет «загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья: вариант аналогий и интерпретации // Stratum plus. № 2. С. 571–583.

- Benoit A. 2010. Bowl with human figure (Louvre Museum). Paris. URL: <https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/bowl-human-figure>. Дата обращения 15.04.2019 г.
- Breniquet C. 1992. A propos du vase halafien de la Tomb G2 de Tell Arpachiyah. In: *Iraq*. Vol. 54. P. 69–78.
- Dussaud R. 1935. Motifs et symboles du IVe millénaire dans la céramique orientale. In: *Syria*. Vol. 16. P. 375–392.
- Hijara I. 1978. Three New Graves at Arpachiyah. In: *World Archaeology*. Vol. 10, no. 2. P. 125–128.
- Ippoliti-Srika F. 1990. A Bowl from Arpachiyah and the Tradition of Portable Shrines. In: *Mesopotamia*. Vol. 25. P. 147–174.
- Ippoliti-Srika F. 1996. Halafian Art, Religion, Society: The Funerary Bowl from Arpachiyah — The Fringed Square as a “Sacred Rug”. In: *Mesopotamia*. Vol. 31. P. 5–31.

SCENE OF “HUNTING” ON THE ENEOLITHIC STELE FROM KERNOSOVKA: FIGURATIVE AND SUBSTANTIAL CORRESPONDENCES

Aleksandr M. Smirnov

Independent researcher, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Tell Arpachiyah, bowl, frieze, Black Sea region, stele, Eneolithic, scene of “hunting”, tomb.*

The frieze found in the painting of a bowl in one of the burials of the Halaf epoch at Tell Arpachiyah in Iraq became at once an object of discussion concerning its content, however none of the solutions proposed for this complex problem became the final one, in particular, because of the lack of parallels.

Hypothetically, a scene of “hunting” engraved on an anthropomorphous stele from the village of Kernosovka in the Northern Black Sea Littoral may be considered as such a parallel. In the center of the scene, a struggle of an anthropomorphic creature against aggressive enemies (here it is dogs) is represented. The purpose of two vertically positioned axes corresponds to the square in the frieze and is interpreted as a representation of the entrance similarly to paired spear-like figures in paintings on bowls from Susa I. The not predatory animals escaping (?), cow and turtle, shown behind the attacking predators were the goals of the “hunters” in both of the two compositions. This subject apparently was known in the Maykop culture, where in one of the tombs, two “ceremonious” axes were found while there were two figurines of dogs near the entrance.

МАЙКОП В КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ

В. А. Дергачёв

Институт культурного наследия АН Молдовы, Кишинёв, Молдова

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-128-131

Ключевые слова: *археология, преистория, майкопская культура, позднее Триполье, культурное взаимодействие.*

Историография проблемы взаимодействия майкопской культуры и Триполья достаточно скромна, что объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Эти культуры возникли под влиянием разных передовых центров древних цивилизаций и территориально были разделены обширными степями Северного Причерноморья и Приазовья, где к тому же известны курганные комплексы с достаточно скудным инвентарем. Отсюда основное внимание кавказоведов было обращено на связи майкопской культуры с Закавказьем, Передней Азией и отчасти с прилегающими с севера степными районами